

ВОЗРАЖЕНІЕ НА XV ПИСЬМО Г. ФАДЬЕВА

0

„ВООРУЖЕННЫХЪ СИЛАХЪ РОССИИ“.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ о „Вооруженныхъ силахъ Россіи“ (*), г. Фадѣевъ, касаясь значенія унтеръ-офицеровъ въ войскахъ и приводя, между прочимъ, въ примѣръ кавказскую армію, говоритъ: „въ унтеръ-офицеры люди выдвигались мнѣніемъ самой роты“ (**), а вслѣдъ затѣмъ: „но такъ было только на Кавказѣ; теперь и тамъ этого нѣтъ, и уже довольно давно, со времени учрежденія стрѣлковой школы, замѣнившей, по большей части, натуральный выборъ унтеръ-офицеровъ одѣвкой, если не вполнѣ произвольною, то во всякомъ случаѣ поверхностною. Въ нашихъ же не-кавказскихъ войскахъ Фридриховская школа давно вытравила самое понятіе о нравственномъ значеніи унтеръ-офицеровъ; оно остается тамъ по большей части фразой безъ примѣненія“.

Не буду останавливаться на послѣднемъ замѣчаніи автора, несовременность котораго слишкомъ очевидна для каждаго, даже не-военнаго, интересующагося бытомъ солдата. Подобное мнѣніе могло еще имѣть какое-нибудь основаніе дѣтъ десять тому назадъ, но никакъ не въ настоящее время. Для меня же совершенно непонятно, какимъ путемъ могъ придти

(*) „Русскій Вѣстникъ“, апрѣль 1867 г., письмо XV.

(**) Желая разузнать подробности такого выбора, я обращался ко многимъ лицамъ, служащимъ на Кавказѣ, изъ которыхъ нѣкоторые командовали отдѣльными частями задолго до учрежденія стрѣлковой школы и, слѣдовательно, близко знакомы съ существовавшимъ въ прѣшнее время порядкомъ; но, въ большому удивленію моему, я получалъ отъ всѣхъ одинъ отвѣтъ, что объ упоминаемомъ г. Фадѣевымъ способѣ избранія унтеръ-офицеровъ лица эти сами узнали въ первый разъ изъ XV письма о „Вооруженныхъ силахъ Россіи“.

г. Фадѣевъ къ своему выводу о значеніи и результатахъ дѣятельности кавказской стрѣлковой школы. Для того, чтобы разъяснить всю несостоятельность заключенія автора статьи „Вооруженныя силы Россіи“, позволю себѣ познакомить его съ цѣлію учрежденія стрѣлковой школы и съ дѣятельностію ея въ отношеніи нижнихъ чиновъ, въ школу поступающихъ.

Прежде всего считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: кавказская стрѣлковая школа, приказомъ военнаго министра 2-го мая 1866 года, № 124, преобразована въ кавказскую учебную роту, но назначеніе обоихъ этихъ учреждений въ главныхъ основаніяхъ совершенно одинаково, а потому все сказанное о стрѣлковой школѣ, какъ въ статьѣ г. Фадѣева, такъ и въ моемъ настоящемъ разъясненіи, вполнѣ должно быть примѣнено и къ учебной ротѣ.

Кавказская стрѣлковая школа никогда не имѣла цѣлію снабжать армію унтеръ-офицерами: ея назначеніе было „приготовлять учителей для обученія и усовершенствованія въ стрѣлковомъ дѣлѣ нижнихъ чиновъ полковъ и баталіоновъ кавказской арміи“; унтеръ-офицерскимъ же званіемъ награждались только лучшіе изъ нижнихъ чиновъ, окончившихъ курсъ въ школѣ.

Уклонилась ли школа въ дѣйствительности отъ этого назначенія и могла ли она дѣятельностію своею парализовать тотъ *натуральный* выборъ унтеръ-офицеровъ, который, по словамъ г. Фадѣева, составлялъ въ прежнее время особенность кавказской арміи, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ: съ 1860 года, со времени перваго выпуска нижнихъ чиновъ изъ кавказской стрѣлковой школы, по 1866 годъ, включительно, удостоились производства въ унтеръ-офицеры 834 нижнихъ чина, т. е., среднимъ числомъ, по 119 человекъ въ годъ на 11,436 штатныхъ унтеръ-офицеровъ, состоящихъ во всѣхъ частяхъ, отъ которыхъ присылаются нижніе чины въ стрѣлковую школу. Поэтому, каковъ бы ни былъ способъ выбора унтеръ-офицеровъ въ кавказской арміи до учрежденія стрѣлковой школы, послѣдняя не могла оказать на него почти никакого вліянія, давая ежегодно изъ среды своей такое незначительное число унтеръ-офицеровъ. Но г. Фадѣевъ, незнакомый, какъ видно, съ этими данными, не ограничился однимъ приговоромъ школѣ, какъ учрежденію, нарушившему будто бы *натуральный* порядокъ выбора унтеръ-офицеровъ: онъ счелъ нужнымъ укорить

школу даже и въ самой оцѣнкѣ достоинства нижнихъ чиновъ, изъ школы выпускаемыхъ, назвавъ эту оцѣнку „если не вполне произвольною, то, во всякомъ случаѣ, поверхностною“.

Принимая съ 1864 года непосредственное участіе въ оцѣнкѣ чиновъ стрѣлковой школы, постараюсь познакомить г. Фадьева съ порядкомъ оцѣнки, дѣйствительно существовавшимъ въ школѣ и принятымъ впоследствии въ учебной ротѣ.

При окончаніи годичнаго курса занятій, въ іюль и въ августѣ, всѣмъ нижнимъ чинамъ производится экзамены особыми комиссиями. Въ каждую комисію назначаются членами: помощникъ начальника школы и офицеръ, завѣдывающій офицерскимъ отдѣленіемъ, а присутствующимъ офицеръ перемѣннаго отдѣла той части, въ которой состоитъ экзаменующійся. Члены экзаменной комисіи ставятъ отмѣтки, къ нимъ прибавляется баллъ за годовыя репетиціи, а затѣмъ изъ этихъ трехъ балловъ выводится средній, который вносится въ экзаменный списокъ. Если на испытаніи присутствуетъ начальникъ школы, то онъ ставитъ также баллъ, значеніе котораго совершенно одинаково съ отмѣтками членовъ комисіи. Такою системою руководствовалась школа при производствѣ экзаменовъ изъ всѣхъ предметовъ, въ ней проходимыхъ. Считаю нелишнимъ прибавить, что экзамены, при двухъ комисіяхъ, продолжаются около пяти недѣль, посвящая на нихъ ежедневно не менѣе шести часовъ. Для точной же оцѣнки поведенія нижнихъ чиновъ ведется журналъ, въ который вписываются всѣ, безъ исключенія, высканія, налагаемая на нихъ въ теченіе курса.

Мнѣ кажется, что данныя эти вполне достаточны для того, чтобы оцѣнка, на нихъ основанная, не могла быть причислена ни къ произвольной, ни къ поверхностной, особенно если принять въ соображеніе, что лица экзаменныхъ комисій, для исполненія прямыхъ своихъ служебныхъ обязанностей, проводятъ съ обучающимися нижними чинами около шести часовъ ежедневно въ теченіе курса.

Не знаю, какое имѣлъ основаніе г. Фадьевъ для выраженія, и притомъ въ печати, весьма нелестнаго мнѣнія о стрѣлковой школѣ, тѣмъ болѣе, что, сколько мнѣ извѣстно, авторъ статьи „Вооруженныя силы Россіи“ не могъ своимъ опытомъ провѣрить достоинства оцѣнки, дѣлаемой стрѣлковою школою. Остается, слѣдовательно, предположить, что выводы автора основаны на чужихъ мнѣніяхъ. Но при всемъ уваженіи г. Фа-

дѣева къ лицамъ, сообщившимъ ему свѣдѣнія о школѣ, все-таки, прежде произнесенія надъ нею приговора, слѣдовало бы познаться со школою обстоятельнѣе. Тогда г. Фадѣевъ, кромя всего вышесказаннаго, узналъ бы еще, что даже люди, выпускаемые изъ школы унтеръ-офицерами, ни въ чемъ не нарушаютъ прежняго (каковъ бы онъ ни былъ) состава унтеръ-офицеровъ каждой части, такъ какъ, по самому положенію о школѣ, нижніе чины, присылаемые въ нее, уже тѣмъ самымъ атестуются начальниками частей—отъ которыхъ всегда зависитъ выборъ унтеръ-офицеровъ—достойными этого званія, и что люди, возвращаясь въ свои части, могутъ быть удостоиваемы выбора въ унтеръ-офицеры и помимо оцѣнки стрѣлковой школы.

Въ заключеніе скажу еще нѣсколько словъ. Въ томъ же письмѣ своемъ, послѣ разсужденій о вліяніи нижнихъ чиновъ на выборъ унтеръ-офицеровъ, г. Фадѣевъ говоритъ: „Съ другой стороны, невозможно допустить, чтобъ этотъ выборъ зависѣлъ прямо отъ мнѣнія части, чтобъ она избирала своихъ унтеръ-офицеровъ, какъ дѣлалось въ скоро-набранной арміи Соединенныхъ Штатовъ. Такая система возможна для ополченія, а не для постоянныхъ войскъ, душу которыхъ составляетъ дисциплина; подчиненные не могутъ быть законными оцѣнщиками своего начальника“. Мнѣніе это, будучи совершенно основательнымъ, не можетъ подлежать никакому возраженію. Но вотъ что странно: авторъ, находя настоящій порядокъ выбора унтеръ-офицеровъ неудовлетворительнымъ, вслѣдъ за приведенными разсужденіями, предлагаетъ свой способъ для выбора въ унтеръ-офицеры, который въ главныхъ чертахъ заключается въ томъ, что нижніе чины избираютъ сами кандидатовъ въ унтеръ-офицеры, и уже достойнѣйшихъ изъ нихъ ротный командиръ представляетъ къ производству. Подобный способъ прямо противорѣчитъ мысли самого автора, что „подчиненные не могутъ быть законными оцѣнщиками своего начальника“. Выборное начало примѣнено и въ нашей арміи, но только для должностей хозяйственныхъ, именно: денежнаго артельщика, а въ послѣднее время и членовъ ротной артели. Слѣдовательно, не имѣя отношеній подчиненныхъ къ начальникамъ, каждый ротный командиръ имѣетъ полную возможность свою личную оцѣнку нижнихъ чиновъ повѣрить ихъ собственнымъ мнѣніемъ. Если выборъ артельщика и членовъ артели будетъ

произведенъ правильно, то онъ можетъ служить лучшею атастаціею тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые удостоятся занять эти должности; смѣняя же артельщика и членовъ артели ежечетно, ротный командиръ всегда узнаетъ достаточное число людей, пользующихся довѣріемъ своихъ товарищей. Но все сказанное служить только средствомъ для узнанія качествъ, правда главныхъ, но не единственныхъ, для унтеръ-офицера. Самъ г. Фадѣевъ говоритъ: „Для нравственной дисциплины части нужно, чтобъ унтеръ-офицеры выбирались изъ людей, пользующихся уваженіемъ нижнихъ чиновъ; нужно также, чтобъ эти уважаемые люди были людьми вѣрными, храбрыми и знающими свое дѣло“. Слѣдовательно, унтеръ-офицеры должны *знать свое дѣло*—совершенно справедливо; но этого достигнуть не легко, особенно при нынѣшнихъ требованіяхъ отъ солдатъ.

Назначеніе унтеръ-офицера не только поддерживать дисциплину и порядокъ въ войскахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ быть помощниками ротнаго командира при обученіи нижнихъ чиновъ. Для выполненія же этой цѣли учреждены, въ настоящее время, почти во всѣхъ частяхъ, полковыя или унтеръ-офицерскія школы; а чтобы, въ свою очередь, и школы имѣли достаточное число учителей, основательно знающихъ свое дѣло, существуютъ учебныя части и были прежде стрѣлковыя школы. Послѣдній мой выводъ о цѣли учебныхъ частей, вполне согласный съ положеніями о нихъ, еще разъ можетъ служить доказательствомъ г. Фадѣеву, что и бывшая кавказская стрѣлковая школа не могла, даже при всемъ ея желаніи, имѣть какое-либо вліяніе на оцѣнку нравственныхъ качествъ нижнихъ чиновъ при выборѣ унтеръ-офицеровъ въ войскахъ кавказской арміи.

Надѣюсь, что настоящее разъясненіе дастъ возможность г. Фадѣеву, на будущее время, судить о значеніи и дѣятельности кавказской стрѣлковой школы не такъ поверхностно и что оно послужитъ для тѣхъ, которые не имѣли возможности подробно ознакомиться съ этимъ учрежденіемъ, средствомъ къ составленію о немъ понятія болѣе правильнаго, чѣмъ то, которое они почерпнули бы изъ XV письма о „Вооруженныхъ силахъ Россіи“.

А. Гурчинъ.